
П. Милюков

Национализм против национализма

Г. Владимир Ж. в «Слове» жаловался на русскую интеллигенцию, на прогрессивную печать и в частности на нашу «Речь», что все мы «замалчиваем» еврейский вопрос. Г. Ж. подразумевает в этом замалчивании молчаливое отмежевание от еврейского вопроса «асемитизм». В «асемитизме» он видит предтечу грядущего «антисемитизма» тех кругов русского общества, которые до сих пор не только оставались чуждыми всякого национального ненавистничества, но и были принципиально и активно ему враждебны.

Г. Ж. может торжествовать. Он выманил медведя из берлоги. П. Б. Струве только что констатировал в том же «Слове», что «нечто поднялось в умах, проснулось и не успокоится. Это проснувшееся требует, чтобы с ним считались и посчитались». Пытаясь определить это нечто, П. Б. Струве называет его «национальным лицом».

Г. Голубев идет еще дальше и определяет обиженное и встревоженное «нечто» как «державную народность». Державная народность отныне не хочет быть «российской». Она хочет быть русской, по утверждению П. Б. Струве. Она заявляет свои права на «национальные русские чувства», которые

могут ее «связывать» с проявлениями национальной культуры и «отталкивать» от проявлений именно еврейской, а не немецкой или итальянской культуры. Оскорбленная русская народность признается в особой «силе отталкивания от еврейства широких слоев русского населения». Выгораживая пока вопрос о еврейском равноправии, как «вопрос правовой, вопрос простой государственной справедливости», русская народность требует в области «чувств», в области «отталкивания» полной свободы проявлений для «национального лица». Это «наше национальное чувство», по признанию П. Б. Струве, «в тяжелых испытаниях последних лет... возмужало и окрепло». «Не пристало нам хитрить и прятать наше лицо», — так формулирует г. Струве основную мысль своей статьи в последней фразе.

Формулированный таким образом вывод далеко выходит за пределы того случайного и чересчур уж по-домашнему разыгранного инцидента между Шоломом Ашем и Чириковым, в который мы не считали нужным вмешиваться. Личная обида г. Чирикова и ее случайное выражение, о котором, кажется, жалеет сам автор, превращается теперь в какое-то затаенное чувство всей русской интеллигенции, которое наконец «проснулось» и требует возмездия. И это «чувство» облеклось в особую национальную державную теорию, властно о себе заявляющую. Г. Владимир Ж., наконец, добился того, что молчание кончилось и то страшное и грозное, что прогрессивная печать и интеллигенция старались скрыть от евреев, наконец обрисовалось в своих настоящих размерах.

Национализм против национализма! Идет старый спор о том, откуда ведьмы — из русского Новгорода или из жидовского Киева. Человеку, который в существование ведьмы вообще не верит, трудно принять участие в таком споре. С двух сторон его объявят непосвященным, ибо предмет спора выше его понимания. Это и есть то «усложненное и утонченное», чем характеризуется «рост нашего национального чувства» в последние годы.

В самом деле, каким оружием борются столкнувшиеся противники? С одной стороны вы видите национализм еврейский, почти в том, наиболее ярком его проявлении, которое называется сионизмом. Этот национализм есть то же «чувство» и та же оправдывающая его «теория». Чувство есть то же чувство обиды, осложненное теми чувствами гнева и мести, какие только могут отложиться в душе гордого и бессильного народа, безнаказанно оскорблявшегося всегда, но сугубо оскорбляемого в те самые последние годы, когда, по словам П. Б. Струве, выросло и окрепло наше национальное чувство. А теория? Вот она в немногих словах.

Вы нас унижаете — мы себя будем возвеличивать. Вы нас обзываете париями — мы напомним вам, что мы аристократы человечества. Ваша «сила отталкивания» возрастет — мы ответим на нее ненавистью к нашим «ассимиляторам», к каждому из нас, кто после этого все еще захочет вам протянуть упорно отталкиваемую вами руку, кто пожелает перебросить хоть тоненькую дощечку над вами же выкопанной пропастью. Вы нас гоните — мы отряхнем прах от ног своих и уходим. Вы отказываете нам в будущем — мы будем оживлять свое прошлое.

Вы не хотите признать нас гражданами общего государства — мы станем гражданами Сиона, мы создадим свой национальный язык, свою литературу, найдем свою территорию. Вы объявляете нас изгнанниками — мы будем громко называть себя иностранцами. И чем хуже вы будете с нами обращаться, тем лучше будет для осуществления нашей великой национальной мечты...

П. Б. Струве «понимает» почву, на которой выросли эксцессы этого больного национализма. Он понимает и только выгораживает русскую *интеллигенцию* от всякой ответственности. Но тут же он переносит с русской интеллигенции на еврейский сионизм всю ответственность за «сознательную инициативу отталкивания». И тут же предъявляет свою обиду, — обиду интеллигента, — и свое право — открыть свое «национальное лицо».

Я боюсь, что, открытое в такую минуту, это лицо будет больше походить на изнанку. Мы видели такое лицо, искаженное и тоже больное, почти лицо сумасшедшего и маньяка. Мы видели его недавно на трибуне Гос. Думы. То ли это лицо, которое П. Б. Струве открывает еврейскому национализму?

Конечно, нет. «Лицо» Б. П. Струве «усложнилось и утончилось» в последние годы. Оно выступает перед нами тоже со всеми признаками национализма, и даже национализма великорусского и великодержавного. Но оно утончило и усложнило себя соответственной теорией. Интеллигенция, — точнее, — та часть ее, от лица которой говорит Б. П. Струве, — это та самая интеллигенция текущей минуты, которая устала от политики и жизни и углубилась во всевозможные «искательства», эстетические, этические и философские. Эта интеллигенция в поте лица своего ищет экзотических формул и гоняется за экзотическими чувствами. Основная, центральная идея этих поисков есть идея чего-то неразложимого, индивидуального, таинственно-открытого в духе, непостижимого мыслью, постижимого чувством, невыразимого логикой, выразимого интуицией и откровением. Это — то мировоззрение «для немногих», которое когда-то, в начале XVIII и в конце XIX вв., создало поколение романтических «гениев», то мировоззрение, которое у нас в России в 40-х годах украсило судороги национального лица, тоже тогда «проснувшегося», красивой вуалью богоизбранности. И нам понятен нелепый на первый взгляд факт, что с таким лицом, во всей его нетронутости, наивности и баспамятности, наш интеллект XX века может спокойно говорить о своем личном праве «отталкиваться от еврейства». Аполитизм нашего интеллигента последней формации непосредственно ведет его по наклонной плоскости эстетического национализма, быстро вырождающегося в настоящий племенной шовинизм.

Я тоже думаю, что старой русской интеллигенции, святой и чистой в своем блаженном неведении, наступил ко-

нец в России с началом новой политической жизни. Я тоже уверен, что многие и многие жизненные утопии, созданные этой интеллигенцией на почве той старой святости, скоро отомрут, чтобы уже не возрождаться больше. Но я уверен также и в том, что наивный «асиметизм» или «антисемитизм», предъявляющий нам свои национальные права на существование, есть тоже один из последних пережитков нашей блаженной интеллигентской невинности. То настроение, которое отвечает национализмом на национализм, — нездоровым национализмом на нездоровый национализм, — есть лишь случайное, не успевшее сознать себя преломление нашей аполитической невинности в гнилой атмосфере современной общественной реакции. Когда эти люди, слепо произносящие слова, реальный смысл которых они забыли или не знали, встретятся с проекцией своих слов в живой действительности, я надеюсь, что чувство реальности, ныне ими утерянное, к ним вернется. Я надеюсь, что тогда они лучше научатся взвешивать свои слова и понимать их общественное значение. И я надеюсь, что время это придет скоро, что оно будет настоящим пробуждением для ближайшего поколения, не изломанного нашей 30-летней войной; а все то, что теперь плавает на поверхности и заполняет авансцену нашей интеллигентской неразберихи, за что теперь цепляются алчущие и жаждущие души, развеется как дурной сон или как китайские тени нашей стилизованной сцены.